

как материальной целенаправленной деятельности, единство практики и теоретического познания; диалектика соотношения категорий необходимости и свободы. Завершается разработка концепции обсуждением проблемы превращения необходимости в свободу. Заметим, что здесь можно найти много интересных, новых предложений, в частности, свидетельствующих о том, что, оставаясь верными много лет назад сформулированным исходным позициям, И.Я.Лойфман и М.Н.Руткевич тем не менее чутко реагируют на последние данные науки, философии, общественной практики и постоянно развивают и совершенствуют свою гносеологическую концепцию.

Работа полемична, позитивное изложение вопросов дается с одновременным критическим анализом альтернативных взглядов и подходов. Ведущие объекты критики давно устоялись в диалектико-материалистической гносеологии как теории отражения, это – созерцательная теория отражения метафизического материализма, субъективный и объективный идеализм, агностицизм. Но, пожалуй, главный нерв полемического противостояния заключен в отстаивании принципа отражения в противовес довольно широкому философскому течению, давшему о себе знать начиная с 50–60 годов в среде философов-марксистов во многих странах – Польше, Франции, Югославии (группа «Праксис») и т.д., а равно и в Советском Союзе (здесь можно было бы назвать Г.С.Батищева и ряд других авторов). В рамках данного течения утверждалось, что принцип отражения нехарактерен для марксова понимания человека, что он апологетичен, а не критичен, что он не раскрывает творчески-преобразующую природу человека, несовместим с идеями свободы и гуманизма и т.д. Сложившаяся в те годы проблемная ситуация породила громадную, просто неисчислимую литературу, в которой отстаивалось либо, наоборот, опровергалось фундаментальное значение идеи отражения для характеристики специфики человеческого бытия в мире, соответственно отстаивались либо отвергались многие другие, связанные с идеей отражения философские положения.

«Основы гносеологии» И.Я.Лойфмана и М.Н.Руткевича – это, в общем-то, небольшой по объему текст, но за ним скрывается громадный контекст. Слово «основы» можно читать как привычное учебное «введение», и это будет отчасти верно. Но точнее было бы видеть в нем «основоположения», то есть систему аксиом, принципов, постулатов, программных установок определенного философского направления, о сути которого авторы прямо заявили в начале книги.

А.Б.Белоусов

ВПЕРЕД, К «НАЧАЛУ ГЕОМЕТРИИ»

В книгу ¹ под названием «Начало геометрии» вошло две работы: «Вопрос об истоке геометрии как интенционально-историческая проблема» Эдмунда Гуссерля и превосходящее ее в четыре раза «Введение» Жака Деррида. Работа Гуссерля вышла после его смерти в 1936 году (читатель может опробовать на этом «факте» предлагаемые Деррида теоретические разработки письма и смерти). «Введе-

¹ Деррида Ж. Введение // Гуссерль / Деррида. Начала геометрии. — М., 1996. — С. 12.

ние» – первая работа Деррида – увидело свет в 1961-м. Очевидно, что ни ту, ни другую работу нельзя причислить к основным трудам этих великих мыслителей. По сути, Деррида вводит читателя в идеи своих самых известных трудов, вышедших позже, в 1967 году – «Письмо в различие», «О грамματοлогии» и «Голос и феномен». Сам Деррида по этому поводу говорит, что работа «Голос и феномен» может быть прочитана как обратная сторона «Введения». По замыслу автора эти три работы должны разрушить классическую книжную архитектуру философии; так, «О грамματοлогии», например, можно разделить на две части и вставить в середину «Письмо и различия». К сожалению, при отсутствии переводов этих работ мы не можем оценить этот «архитектурный опыт», ни даже прочитать обратную сторону «Введения». Ситуация выхода перевода «Введения» парадоксальным образом схожа с той, при которой оригинал появился во Франции, – это было «Введение» в переведенную работу Гуссерля. Разница в том, что, во-первых, в отличие от Франции, у нас «Вопрос о происхождении геометрии» – одна из немногих переведенных работ Гуссерля.

Архитектура «Начала геометрии» может на первый взгляд тоже показаться классической, но это лишь следствие необычности ее пропорций. Деррида, помещая в «Начало геометрии» текст Гуссерля, практически ставит его в заведомо зависимое положение: перевод Гуссерля является здесь иллюстрацией к намерению «узнать и определить положение в этом тексте одного этапа гуссерлевской мысли»². При этом все условия корректного отношения соблюдены: «Введение» появляется только по поводу и в связи с выполненным переводом. Тем не менее, становится ясно, что текст Гуссерля, который мы читаем в *Husserliana*, и тот текст, который мы можем прочитать в «Начале геометрии», – два разных текста. При отсутствии других изданий перевода «Вопроса об истоке...» мы постараемся сохранить это различие, подчеркнуть идеальность этого литературного объекта. Пусть «Вопрос об истоке...» будет текстом из Гуссерлианы, а «Введение» – критической работой по феноменологии, одной из основных целей которой, по определению автора, является преодоление собственной узости, в которую неизбежно впадает критика.

Задачей Гуссерля в «Вопросе об истоке» является вопрошание об изначальном смысле геометрии. Геометрия предстает перед нами в виде традиции, дошедшей до нас в виде пространственных форм, в каждой из которых есть ссылка к предыдущей. В конечном итоге все они отсылают к некоему перво-достижению. В этом перво-достижении кроется исток, обладающий изначальным смыслом. Исток является сперва как замысел, а затем в последовательном осуществлении. После этого он обращается к способу существования действительной геометрии и тому, как внутри геометрии существует ее тематическое. Тематическое геометрии – предметности и положение тел, а не геометрические истины (аксиомы и теоремы). Это некоторые духовные формы, которые не воплощены в телах, то есть не имеют пространственно-временной индивидуации в мире. Совокупность таких форм он называет идеальной предметностью. Эти формы существуют в частной форме сознания и являются «существованием объективно су-

² Там же. — С. 215.

шего для каждого»³. Причем это не просто некая объективность, а объективность «идеальная». Она присуща целому классу духовных образований: научным построениям и самим наукам, а также произведениям художественной литературы. Именно литература, понятая в самом широком смысле, обнимает их всех (здесь стоит вспомнить постоянное обращение Деррида к литературе). Получается, что эти образования существуют всего один раз – им не присуща повторяемость в сходных экземплярах.

Однако эти духовные образования не могли сразу стать идеально объективными. В качестве подготовительного этапа им должно было предшествовать некое более примитивное смыслообразование. Здесь Гуссерль ставит один из ключевых вопросов НГ: как геометрическая идеальность из своего изначального внутриличностного истока достигает идеальной объективности? И сразу же отвечает на него, а именно: посредством языка. Затем он прослеживает всю цепь этого «превращения» – от изначальной активности и удержания прошедшего события до взаимного языкового понимания друг друга многими лицами, в результате которого духовные образы осознаются не как одинаковые, но как один общий образ. Но понимание не может обеспечить окончательного конституирования объективности идеального образа. Первооткрыватель и его последователи могут не вступить в контакт или вообще умереть – в этом случае этим образам не будет хватать устойчивого существования, они исчезнут. Именно на этом этапе гуссерлевских рассуждений возникает мысль о письменном выражении, важной функцией которого является виртуальность сообщения, так как при этом отсутствует личное сообщение. Письмо, кроме чувственно-телесной стороны, обладает еще и знаковой представленностью. Письменный знак посредством ассоциации вызывает знакомое значение, оно является пассивным значением. Гуссерль пишет, что такие пассивные значения могут быть преодолены посредством способности человека к реактивации. При этом пассивность превращается в соответствующую ей изначальную активность. Таким образом, мы можем сделать очевидным осевший геометрический образ, то есть образ, исходный модус бытия которого изменен посредством записи. Именно пассивность является причиной впадения в искушения языком, погружения в царство ассоциативных связей. Ученые пытаются сохранить способность к реактивации посредством заботы об «однозначности языкового выражения». Но в связи с огромным приростом геометрии претензия и способность к реактивируемости должны быть подвержены сомнению. Ученый не может реактивировать всю цепь предпосылок вплоть до изначальных активностей. Вообще, непосредственно не может быть реактивировано ни одно звено в духовном строении, поскольку ни одно звено в нем не самостоятельно. Здесь на помощь геометру приходят различные способы «логической активности», которые оперируют с «проясненными», но не приведенными к изначальной очевидности геометрическими идеальностями.

По мнению Гуссерля, ситуация Нового времени такова, что благодаря своим практическим успехам геометрия получает возможность существования без реактивации первоначал и продолжает существовать так до наших дней. Он ставит

---

³ Там же. — С. 233.

перед собой и своим временем задачу возвращения к первоначалам геометрии. Решить ее можно, раскрыв сущностную структуру исторического горизонта, находясь в котором, мы наследуем геометрию и вообще весь культурный мир. Методическое вопрошание этой структуры даст нам ни больше ни меньше, как универсальное априори истории. Но прежде чем предпринять исследование этого априори, Гуссерль обращается к критике традиционных концепций об истоке геометрии и представлениям об историческом объяснении. Гуссерль не собирается, как это делали его предшественники, сводить вопрос об истоке геометрии к какому-то легендарному Фалесу. Поле его исторического объяснения – первые аксиомы, базисные понятия и изначальная очевидность. Утверждая свое историческое объяснение в качестве теории познания, Гуссерль заявляет, что догма о разрыве между ними в корне ложна, так как «понятия истории», «исторического объяснения» и генезиса непозволительно ограничиваются⁴, в результате сего остаются скрытыми самые глубокие проблемы истории.

Непонимание эпистемологией исторической проблематики для Гуссерля оказывается достаточным для того, чтобы объявить о несоответствии названия этой дисциплины тому содержанию, которое в нее вкладывается, и тут же предоставить новое содержание, отвечающее требованиям эпистемологии. Как случилось, что теория познания, повсеместно утвердившаяся в Новое время, оказалась в изучении своего предмета – науки – недостаточно предусмотрительна? Гуссерль пишет, что она вместо того, чтобы указывать на то, чего не хватает таким наукам, занималась их теоретическим обоснованием. Гносеологии не удалось избежать ослепления практическими успехами геометрии, и поэтому она вслед за ней отклонилась от пути, заданного истоком. Гуссерль, таким образом, пытается вернуть изначальный исторический смысл не только геометрии, но и теории познания. Судьбы этих двух проектов сближаются под пером Гуссерля – над ними обоими возвышается одна общая судьба.

Далее Гуссерль критикует историзм. Исторический факт обладает своей внутренней смысловой структурой, поэтому история фактов всегда будет пребывать в непонятности, так как никогда не тематизировала всеобщую смысловую почву и присущее ей структурное априори. Действительно, понимающая история становится возможной только благодаря раскрытию сущностно-всобщей структуры, лежащей в нашем и во всяком историческом настоящем, она возможна только в раскрытии конкретного исторического времени, то есть времени, в котором мы живем относительно этой всеобщей исторической структуры. Именно таково конкретное историческое априори. Господствующий историзм мог бы возразить на это следующим образом: «Мы получили в избытке свидетельства в пользу относительности всего исторического»⁵, – поэтому каждый период обладает своим собственным миром, своей логикой и своим априори. В ответ Гуссерль предлагает подумать о методике установления исторических фактов вообще.

Любая историческая постановка вопроса предполагает историю как универсальный вопросительный горизонт, то есть как горизонт имплицитной достовер-

⁴ Там же. — С. 137.

⁵ Там же. — С. 159.

ности. Эта почва никогда не тематизируется, но всегда уже наделена значимостью. Поэтому не нужно привлекать к какому-то критическому анализу те факты, которым придает значение историзм. Достаточно уже того, что само утверждение их фактичности предполагает историческое априори. Пребывая в историческом горизонте, мы можем сколько угодно интерпретативно проникать в него, но это значит, что мы в состоянии вполне осознанно и в совершеннейшей свободе переосмыслить наше историческое существование. В этом свободном варьировании выступает сущностно-всеобщий состав, пронизывающий собой все варианты. Фактический мир здесь – лишь одна из мыслимых возможностей. Это идентичное и есть универсальное априори истории.

Следующий шаг Гуссерля – тематизирование посредством этого метода материала первогеометра в донаучном мире. Проблема здесь заключается в том, чтобы открыть смысл изначальности, который должен был придать всему становлению геометрии устойчивый истинностный смысл. Лишь в той мере, в какой при идеализации учитывается всеобщее содержание пространственно-временной сферы, эта идеальность может возникнуть, а затем традироваться. Если бы в геометрию было привнесено нечто, «эпохой обусловленное», то и ее смысл был бы обусловлен эпохой, и понять его могли бы только те люди, которые обладают теми же фактическими условиями понимания, что и учредитель геометрии.

Всеми разделяется убеждение, что геометрия справедлива для всех возможных времен и народов. Это убеждение предполагает то же самое априори, что и установление исторического факта, и только в раскрытии этого априори может существовать наука. В заключении Гуссерль говорит, что окружающий мир человека является все тем же, сегодня и всегда. Это значит, что мы в нашем собственном мире на основе выведенного универсального априори истории вполне можем решить проблему перво-учреждения геометрии. Так заканчивается текст. Но само феноменологическое предприятие только начинается. Гуссерль делает набросок, самым предварительным образом указывая на то, о чем следует размышлять дальше. И если Гуссерлю удастся осуществить свое намерение так, как оно задумано, если этот набросок выполнен безукоризненно, то феноменологическому проекту удастся преодолеть «эпохой обусловленное». Этот проект так же, как и геометрия, становится идеально объективным. Это значит, что первоначало феноменологии заложено и оно будет являться к нам в виде традиции, которую мы, в соответствии с нашим желанием или нежеланием оставаться сцепленным с фактичностью, можем поддерживать либо нет. Однако нужно еще выяснить, не скрыта ли в основании всего этого начинания какая-либо незамеченная либо намеренно игнорируемая наивность. Сам Гуссерль вряд ли бы мог это сделать, но именно этим занимается в своем «Введении» Жак Деррида.

Условно текст Деррида можно разделить на две части. В первой части Деррида вводит нас в текст «Вопроса об истоке...»: во-первых, он проговаривает положение самого теста, во-вторых, Деррида вводит текст «Вопроса...» в контекст остальных работ Гуссерля и использует при этом самые разные критические работы по феноменологии. В этой части Деррида тщательно следует за текстом Гуссерля, здесь вы не найдете ничего, что бы свидетельствовало о присутствии в

тексте кого-то, кроме самого Гуссерля. По крайней мере, Деррида тщательно старается создать у читателя такое впечатление.

Только начиная с седьмой главы, посвященной письму, Деррида обнаруживает свое присутствие в этом «Введении». Деррида в этой главе начинает демонстрировать изнанку «Вопроса...»: он дает нам увидеть то, что мы не могли прочитать непосредственно в этой работе, то, что явственно не обнаруживает себя в ней. Например, Деррида пишет: «Именно возможность письма обеспечит абсолютную традиционализацию объекта, его абсолютно идеальную объективность, то есть чистоту его отношения с универсальной трансцендентальной объективностью.»⁶ Что же здесь можно назвать изнанкой «Вопроса...»? Что из написанного Деррида нельзя прочесть в работах Гуссерля? Во-первых, то, что письмо обеспечивает традиционализацию объекта, во-вторых, абсолютность традиционализации и абсолютность идеальной объективности, в-третьих, трансцендентальную субъективность. Читателю предлагается самостоятельно ответить на вопрос: правомерно ли читать Гуссерля так, как сам Гуссерль предлагает нам читать его текст, ведь этот текст – все, что он предлагает нам к прочтению? Письмо как раз и есть этот этап в мысли Гуссерля, узнать и определить положение которого намечается Деррида. Письмо – это место автономного трансцендентального поля, в котором может не быть никакого наличного субъекта, ведь в нем может полностью проявить себя трансцендентальная субъективность. Некое поле виртуальностей. Письмо конституирует идеальную объективность, которая с этого момента, как пишет Гуссерль, становится ничтожной (напрашивается аналогия с неуничтожимостью чистого сознания в «Идеях...»). Забвение истины отныне будет лишь одним из феноменов Эго, одной из его интенциональных модификаций. Эта объективная истина сохраняется в недрах своей внутренней историчности, и ничто не может помешать кому-нибудь и когда-нибудь вывести ее обратно в фактическую историчность.

Деррида здесь оппонирует Гуссерлю и пишет, что именно в письме смысл подвергает опасности свою чистую интенциональную идеальность, в письме возникает возможность исчезновения истины, ведь письмо – это поле виртуальностей. Деррида указывает на трансцендентальный смысл смерти, который мы можем увидеть, например, в молчании погребенных цивилизаций. Мы можем убедиться в возможности этого смысла. Гуссерль не утверждает, что содержание этих цивилизаций сохранено в своей внутренней историчности, письмо продолжает здесь свою работу. Но это письмо без возможности быть прочитанным субъектом является лишь буквальностью, все свои возможности оно делегировало субъекту.

Другой ключевой пункт, рассматриваемый Деррида в философии Гуссерля, относится к феноменологии в целом и заключается в использовании Гуссерлем Идеи в кантовском смысле. Эта идея есть лишь возможность очевидности и открытия самого видения, детерминируемость как горизонт любого созерцания вообще, поэтому она не может непосредственно предстать перед взором феноменолога. В качестве такой детерминированности и горизонта мы имеем однозначность, о необходимости которой говорил Гуссерль. Она является горизон-

⁶ Там же. — С. 133.

том двусмысленности и поэтому недостижима, иначе она выхолостила бы историю и превратилась в бесконечные повторения»⁷. Это приводит Деррида к сомнению в возможности чистой истории смысла. Идея как полная интенция обнаруживает бытие интенции, саму интенциональность. Гуссерль, в отличие от Канта, не знает различия между интенцией и интуицией, он не может описать содержание пустой интенции, то есть интенции без интуиции. Но разве не является интенцией без интуиции сознание бесконечной задачи или телеологическая достоверность? Также и в отношении Идеи: мы не можем увидеть ее, и поэтому не может быть никакой феноменологии. Феноменология не может «ни остановиться на самой себе, ни сама указать себе на свои собственные пределы».

В заключение несколько слов о работе переводчика М.Маяцкого. Он проделал солидную работу, пересказывая или цитируя отрывки из других работ Гуссерля, на которые ссылается Деррида, работ, которые незнакомы русскому читателю. Однако что-то помешало переводчику проделать такую же работу в отношении того основного корпуса трудов Деррида, в который он нас старательно вводит. Может быть, вся проблема вновь заключается в отсутствии переводов Деррида?

⁷ Там же.

А.Б.Половников ИСТОРИЯ НАУКИ КАК САМОДВИЖЕНИЕ СИСТЕМНЫХ АНСАМБЛЕЙ

Начиная со второй половины XX века наблюдается сближение науки и истории науки. Одним из представителей так называемого плюралистического направления является современный немецкий философ, историк науки К.Хюбнер (р. 1921 г.). В 1994 г. впервые вышел русский перевод его работы «Критика научного разума».

К.Хюбнер показывает, что историческая ситуация определяет, какими должны быть факты и фундаментальные принципы науки. Для прояснения понятия исторической ситуации К.Хюбнер выводит две категории – «историческая система» и «исторический системный ансамбль». Категория «историческая система» применена к структуре любого исторического процесса, а не только к процессам научного развития. С одной стороны, такие процессы неразрывно связаны с естественными законами (биологии, психологии, физики и т.п.), с другой – подчинены правилам, созданным человеком (правилам экономики, государственной жизни, искусства, религии, языка). Такие правила Хюбнер называет историческими системами правил или просто «системами».

Под второй исторической категорией – «историческим системным ансамблем» – Хюбнер понимает «структурированное множество систем, частью наличествующих в данный момент времени, частью наследуемых из прошлого, образующих определенную иерархию в соответствии с многообразными отношениями, в рамках которых общество живет и развивается в каждый данный исторический момент».

Таким образом, историческая ситуация – это такой период исторического времени, в котором доминирует тот или иной системный ансамбль; именно